

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК: 338.22

СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И УСЛОВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ*

Круглый стол состоялся 8 июня 2015 г в Новосибирской областной научной библиотеке. В рамках круглого стола эксперты обменялись мнениями относительно действующих ограничений для дальнейшего развития экономики России, обсудили сложившуюся систему мер государственной структурной политики и выработали рекомендации по ее совершенствованию. В последние годы экономика России столкнулась с существенным изменением макроэкономических условий, определяющих ее развитие. Нарастание задолженности частного сектора на фоне ухудшения условий заимствования, опережающий рост издержек отечественных компаний привели к падению темпов роста экономики и сокращению инвестиционной активности. Данные негативные тенденции усилились под воздействием введения международных санкций и значительного падения мировых цен на нефть, что в очередной раз обнажило ключевые проблемы российской экономики. Указанные обстоятельства поднимают вопросы всесторонней оценки существующих ограничений в экономике России и выработки согласованной системы мер и приоритетов государственной экономической политики, позволяющей сформировать новую устойчивую траекторию социально-экономического развития. Поиску решений поставленных вопросов посвящены многочисленные исследования, однако попытки комплексно охватить и осмыслить сложившуюся систему ограничений экономического роста в России с учетом быстро меняющихся внешних и внутренних факторов носят ограниченный характер.

Участовали: *Г.А. Антипов* (д-р филос. наук, профессор кафедры философии НГУЭУ), *А.О. Баранов* (д-р экон. наук, заведующий кафедрой экономической теории НГУ, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН), *В.М. Гильмуллин* (канд. экон. наук, доцент, заведующий сектором ИЭОПП СО РАН, доцент кафедры экономической теории НГУ, доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики НГТУ), *О.В. Глушакова* (д-р экон. наук, профессор кафедры финансов НГУЭУ), *О.А. Донских* (д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии НГУЭУ, главный редактор журнала «Идеи и идеалы»), *С.П. Исаков* (ответственный секретарь журнала «Идеи и идеалы»), *В.И. Клисторин* (д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, профессор кафедры экономической теории НГУ), *И.В. Князева* (д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и прикладной экономики НГТУ, профессор СИУ РАНХ и ГС), *Г.П. Литвинцева* (д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и прикладной экономики ФГБОУ ВО НГТУ), *Н.П. Сулов* (д-р экон. наук, профессор, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН), *В.В. Шмат* (канд. экон. наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН).

* Круглый стол организован в рамках исследования, проводимого при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Влияние макроэкономической политики с монетарным и валютным контролем на динамику и структуру национальной экономики в условиях экспортосырьевой ориентации и несовершенных рынков»), проект № 14 02 00359; результаты, представленные Гильмуллиным В.М. и Литвинцевой Г.П., получены в рамках данного проекта.

Ключевые слова: валютный курс, государственная политика, импортозамещение, налоговая нагрузка, новая индустриализация, рента, ресурсное проклятие, санкции, экономический рост, Российская Федерация.

При подготовке круглого стола экспертам были разосланы вопросы:

1. Ключевые ограничения экономического роста в России, сложившиеся в настоящее время.
2. Степень соответствия сложившейся системы мер государственной политики России задачам преодоления основных структурных ограничений экономического роста.
3. Основные направления совершенствования системы структурной политики России: какая модель должна быть положена за основу? Какие наиболее важные и первоочередные меры должны обеспечить ее работоспособность?

Олег Альбертович Донских. Мы начинаем очередной круглый стол нашего журнала. Хочу сразу сказать, что очень благодарен Галине Павловне за организацию этого круглого стола и всем, кто пришел поучаствовать. Тема и вопросы, которые были разосланы, заслуживают серьезного обсуждения, и не только с экономической стороны. Я думаю, что и неэкономические проблемы мы немножко затронем. Поскольку первым был представлен материал Вадима Манавиновича, я хотел бы, чтобы он начал сегодняшние выступления.

Вадим Манавинович Гильмуллин. Спасибо огромное!

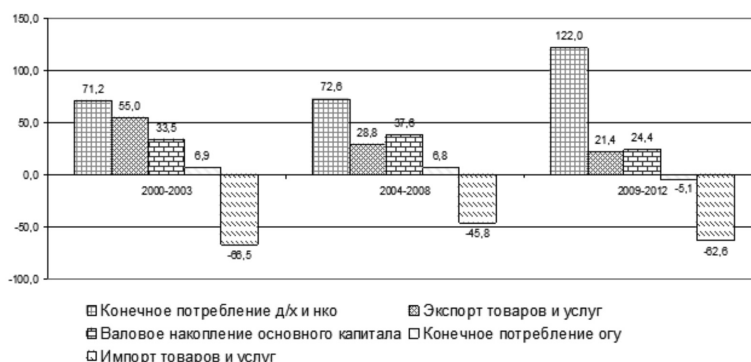
После кризиса 2008–2009 годов вплоть до начала 2012 года наша экономика показывала очень неплохие, но во многом восстановительные темпы роста. После этого, когда она достигла значений, близких к пику 2008 года, пошло резкое замедление ее роста. Это некий стартовый сбой, относительно которого хотелось бы построить мое сообщение.

Фактически если мы возьмем развитие нашей экономики, то хотелось бы выделить две стороны рассматриваемого вопроса, анализ которых позволит лучше понять ситуацию, которая сформировалась в экономике России. Первая сторона – это фак-

торы спроса: где спрос в нашей экономике, где мы ищем источники роста, кто будет покупать продукцию, которая будет производиться, какая это продукция, и т. д.? Вторая сторона – это факторы предложения – что с точки зрения производственной деятельности непосредственно ограничивает возможности нашей экономики?

Ни для кого не секрет, что экономика у нас зависит от цен на нефть. Есть определенная дискуссия, как она зависит, как передается эта зависимость, но, поскольку эти цены росли, за последние 15 лет экономика России в номинальном долларовом выражении выросла существенно. В 2013 году свыше 2 трлн долларов по сравнению со 195 млрд долларов в 1999 году, т. е. в номинальном долларовом выражении она выросла более чем в 10 раз. В реальном выражении – почти в два раза.

Возникает вопрос: за счет чего наша экономика росла? Что предъявляло спрос на продукцию? Для лучшего понимания данных процессов обратимся к графику на рисунке, который показывает вклад основных компонент ВВП в динамику самого ВВП в сопоставимых ценах. Здесь представлена информация с 2000 по 2012 год; если продлевать время наблюдения, то тенденция сохраняется.

Вклад в абсолютную величину прироста скорректированного* ВВП России образующих его элементов в 2000–2012 гг., в % в сопоставимых ценах

* Во избежание статистических, краткосрочных и иных искажений официальная оценка величины валового внутреннего продукта была скорректирована на величину статистического расхождения и инвестиций в прирост запасов материальных оборотных средств

Если мы берем начало рассматриваемого периода, начало 2000-х, благодатных для нашей экономики, мы видим, что на первом месте потребительский спрос. Важную роль играл экспорт – формировал 55 % прироста ВВП; инвестиции в основной капитал давали одну треть. Ну, а импорт достаточно большую долю этого прироста съедал, в том смысле что когда мы считаем ВВП, мы импорт должны исключать. Если брать посткризисные годы, правда, включая 2009 год (показатели рассчитаны по отношению к 2008 году), мы видим, что 122 % (более 100 %!) от всего прироста ВВП за период 2009–2012 годов. пришлось на потребительский спрос. То есть фактически основным, можно сказать даже единственным, драйвером экономики был потребительский спрос. Роль экспорта была значительно меньше; если мы вычтем импорт, то у нас получится отрицательный вклад чистого экспорта в ВВП. Отмечу, что роль экспорта существенно снизилась в последнее время, даже в пери-

од растущих цен на нефть. Доля импорта относительно стабильная в рассматриваемый период. При этом, что важно, существенно падает доля углеводородного экспорта в ВВП: четверть в 1999 году и всего порядка 9 % в 2014 году, что не позволяет нам говорить, что у нас была экспортоориентированная стратегия роста. Таким образом, если в начальный период мы можем говорить о некоей экспортосырьевой модели развития экономики при существенном перераспределении доходов от экспорта в пользу населения, то к последнему времени потребительский спрос оказался единственной силой, которая тянула нашу экономику вперед. Но последние события говорят нам о том, что эта сила иссякла: реальные доходы населения по данным Росстата за январь-май 2015 года у нас упали уже на 3 %, реальные зарплаты упали еще больше – почти на 9 % по отношению к предыдущему году. Возникает вопрос: что будет дальше двигать нашу экономику?

Сосредоточимся теперь на факторах предложения. Общая тенденция следующая. Уровень инвестиций в основной капитал – это ни для кого не секрет – у нас катастрофически мал. Ни одной экономике мира, по крайней мере такой крупной, как Россия, не удавалось демонстрировать десятикратный рост долларовой ВВП при таких мизерных инвестициях в основной капитал (в среднем 17,8 % от ВВП в период с 1994 по 2014 год). В последнее время их уровень немножко вырос, но все равно это порядка 20 % от ВВП, т. е. он не обеспечивает даже простое воспроизводство основного капитала с учетом современных технологических требований. Почему не инвестируют? – это отдельный вопрос, о нем позже. С численностью населения у нас тоже достаточно серьезные проблемы, в 1990–2000-е годы она падала. По большинству прогнозов и дальше будет сокращаться. По среднему прогнозу Росстата, нас ожидает 142 млн чел. к 2031 году, это при том, что доля пенсионеров существенно вырастет, а доля молодежи, наоборот, упадет. Таким образом, предсказываются проблемы с рабочей силой и возрастающая нагрузка на государственный бюджет. Вкупе с факторами инвестиций это означает, что нам надо существенно повышать производительность труда. Повышать ее можно только существенно увеличивая инвестиционную активность, но инвестиционная активность у нас оказывается на крайне низком уровне. То есть для нашей экономики вырисовывается существенное системное ограничение.

Другим важным ограничением для нашей экономики является доступ к финансированию. Без внешних заимствований, в условиях всего 40-процентной монетизации ВВП (отношение денежной массы

к ВВП), а это исключительно мало, у нас нет внутренних ресурсов для взрывного роста инвестиционной активности. Мы очень сильно зависим от внешних займов, но с внешними займами у нас, особенно под воздействием санкций, тоже достаточно серьезные проблемы. Возникает вопрос: кто будет финансировать этот самый рост? Это тоже вопрос, который хотелось бы обсудить.

Также по производственному сектору хотелось бы выделить негативные тенденции. Во-первых, это укрепление реального валютного курса, т. е. фактически потеря ценовой конкурентоспособности. Так, с 1994 по 2014 год произошло трехкратное укрепление реального курса рубля, другими словами, в три раза подорожала относительная себестоимость нашей продукции в сравнении с иностранной. В три раза нам стало сложнее конкурировать, в три раза выросли издержки. Если мы посмотрим на начало 2015 года, то увидим, что девальвация рубля несколько улучшила положение, но этот эффект может оказаться краткосрочным, как это было ранее – в 1998–1999-м и 2008–2009 годах. Вызвано это тем, что мы имеем достаточно сильную тенденцию укрепления рубля в связи с положительным торговым балансом. Укрепление рубля – это один из факторов, который делает малопривлекательным традиционное производство в нашей экономике. Бизнес понимает, что в этих условиях издержки будут расти быстрее, чем цены на производимую продукцию.

Вторая тенденция тоже негативная, про нее недавно Владимир Владимирович Путин высказался: почему кризис? А потому, что мы очень много платили нашим работникам, зарплаты росли быстрее, чем производительность труда. Так ли это? На мой

взгляд, не так, потому что после катастрофического снижения зарплат и реального уровня жизни в 1990-е годы немного кощунственно говорить про нежелательность опережающего роста зарплат. Тем не менее этот фактор важен для бизнеса – издержки предприятий на зарплату растут в 1,5 раза быстрее, чем их выручка.

Может ли в данной ситуации выручить бюджет? Мое категорическое «нет»: бюджет в текущей ситуации не имеет достаточных ресурсов, чтобы формировать какие-то широкие очаги для роста. Он может точно что-то сделать, ограничен сейчас возможностями только точечного регулирования. В отличие от кризиса 2009 года, где мы имели большую «подушку безопасности», сформированную значительными многолетними профицитами государственного бюджета, сейчас государство столкнулось с тем, что профицит – это уже далекое прошлое бюджета, и государство не рискует брать на себя широкомасштабную стимулирующую функцию, как это было в 2009 году. Мы фактически отказались от масштабного фискального стимулирования экономики, действуем только точечно.

Какой здесь выход? Некоторые, я знаю, очень сильно поспорят со мной, тем не менее у нас в экономике возникает проблема системных ограничений, и здесь возникает два вопроса – это стимулы и источники финансирования. Один из возможных стимулов – это налоговый маневр. У нас экономика развивается по немножко своеобразному пути: мы предпочитаем повышать цены на энергоносители, на энергию, довели их, если вернуться к началу 2014 года, до среднеамериканских и почти среднеевропейских. При этом в условиях слабого внутреннего спроса ожидаем больших инвестиций. Но чудес не бывает.

Если издержки на уровне развитых стран, а рынок намного слабее, то стимулы инвестировать снижаются. С поиском источников развития тоже проблемы. Откуда взять эти источники? Поэтому здесь два варианта: либо мы уходим в американскую или арабскую модель, когда мы устанавливаем низкие цены на базовое сырье, давая таким образом национальным производителям преимущество в конкуренции, либо мы более активно, что сейчас и делается, изымаем деньги из сырьевого сектора и пытаемся при этом поддерживать обрабатывающий сектор. Здесь есть свои плюсы и минусы, хотелось бы их обсудить, а я заканчиваю. Если есть вопросы, я на них отвечу.

Георгий Александрович Антипов. Каковы основания для прогнозов у Вас, кроме констатации трендов, о которых Вы говорили? Ведь тренды таковы, что в любой момент могут сломаться.

Гильмуллин. Я сейчас не говорю про прогноз. Единственный прогноз, который приводился, это прогноз Росстата. На текущий момент я называю определенные системные ограничения, с которыми сталкивается наша экономика. И в каком-то смысле я прогнозирую, что эти ограничения будут действовать дальше, если ничего не менять. Так, внутренних достаточных источников финансирования у нас нет. Если взять всю денежную массу, M2 так называемую, включая деньги населения и корпораций, получается порядка 32 трлн. руб. Этих ресурсов для выполнения задач, которые озвучиваются государством, просто недостаточно. Внешние заимствования у нас сейчас фактически закрыты. Соответственно, по денежным ресурсам у нас существенные ограничения. Вопрос: кто будет финансировать развитие? Мы могли бы сказать, что многие люди деньги вы-

везли, пусть они возвращают капитал, инвестируют в нашу страну. Тогда надо обеспечить этим людям стимулы. С чем сталкивается бизнесмен, который решает, в какую страну ему инвестировать? Смотрит на Россию, даже абстрагируясь от санкций, даже абстрагируясь от институтов, от их качества и т. д. Он смотрит на растущие издержки, падающую ценовую конкурентоспособность, возникающую в силу того, что у нас сырьевая экономика, порождающая проблему голландской болезни. На мой взгляд, голландская болезнь всерьез в России только-только начинается, в ближайшие годы мы ее будем в полной мере ощущать. Голландская болезнь – это высокая стоимость национальной валюты, которая снижает возможности конкуренции с зарубежными производителями. Сейчас эта проблема чуть ослабла из-за девальвации. Если раньше импортер продавал, чтобы один доллар получить, продукции на 30 руб., сейчас он вынужден продавать на 50 руб. Импортеры стали менее конкурентоспособными. Но тем не менее издержки у нас растут достаточно быстро. Политика ЦБ по борьбе с инфляцией очень дискуссионна. Есть точка зрения, что попытка справиться с инфляцией теми способами, которые он демонстрирует, наоборот, ведет к инфляции. Состояние технологическое у нас достаточно низкое; качество рабочей силы – еще одна серьезная проблема. За последние 20 лет произошла существенная депрофессионализация нашей рабочей силы. Бизнесмен, собственник капитала, если он серьезно вникает в ситуацию, увидит эти тренды. И тогда вопрос не только в том, кто будет покупать его продукцию; он еще думает, как производить и почему бы ему не разместить производство, например, в Китае, а не в России.

Антипов. Можно ли сказать, что все прогнозы макроэкономистов основываются на сугубо эмпирически устанавливаемых связях, логическая форма которых «если – то»? Например, если уходят инвесторы, то уходят потребители. И вся эта сеть отношений, которую пытаются прогнозировать, опирается вот на такие сугубо эмпирические констатации. Или есть какие-то другие основания для экономических прогнозов в макроэкономике?

Гильмундинов. Есть разные типы моделей. Если мы возьмем тип моделей, доминирующих на текущий момент в мировой науке, моделей, которые сосредоточены на учете основных тенденций и учете шоков, которые воздействуют на развитие экономики, так называемые модели динамического стохастического общего равновесия, – у них своя особенность. Эти модели основываются только на основных фундаментальных взаимосвязях и не уходят в анализ взаимосвязей, возникающих на более глубоком уровне: инвесторы, потребители и т. д. Правда, эти модели «проморгали» кризис 2008–2009 годов.

Есть другой тип моделей. Я их назову экспертно-аналитические модели, и большая часть присутствующих – это специалисты, использующие именно этот тип моделей. Вот мы с Александром Олеговичем Барановым строим модели, основанные на межотраслевом балансе. Эти модели учитывают структурные связи, возникающие в экономике, при этом, по мере развития ситуации, в такие модели закладываются экспертно определенные сценарии развития. В эти сценарии, пользуясь нашим знанием и пониманием экономики, мы закладываем определенные варианты развития ситуации. Это не совсем вариант «что заложили, то и получили». Мы можем за-

кладывать, например, определенную политику Центрального банка, определенное развитие ситуации с внешней торговлей. Вкладывая эти важные вещи, которые от нас не зависят, они для нас определяются случайным образом, с высокой степенью неопределенности, мы пытаемся прогнозировать.

И да, и нет – я отвечаю на Ваш вопрос. Но сила экспертного сообщества позволяет учесть эти взаимосвязи, попытаться их как-то встроить в прогноз.

Донских. Я хочу пояснить одну вещь. Галина Павловна будет выступать со своим докладом, он и планировался как дополняющий. Может быть, часть вопросов после ее доклада разъяснится сама собой.

Галина Павловна Литвинцева. Мне хотелось бы остановиться на двух моментах. Первый момент касается дискреционной и недискреционной политики государства.

Индексы физического объема валового внутреннего продукта России (в процентах к предыдущему году), по данным Росстата, начиная с 2010 года, постепенно снижаются: 2010 – 104,5 %; 2011 – 104,3; 2012 – 103,4; 2013 – 101,3; 2014 – 100,6 % (2014 год рассчитан с учетом сведений по Крымскому федеральному округу).

Негативный прогноз Всемирного банка по поводу роста российской экономики, опубликованный в апреле 2015 года под названием «Новая экономическая эра?», во многом основан на предполагаемой цене нефти. В 2015 году спад экономики России по прогнозу составит: а) – 2,9 % при цене нефти 69 долл. за баррель; б) – 3,8 % при цене 53 долл. за баррель; в) – 4,6 % при цене на нефть 45 долл. за баррель.

Глава Минэкономразвития России А.В. Улюкаев заявил, что среднегодовая

цена на нефть в 2015 году с большей вероятностью составит 60 долл. за баррель, а не 50 долл., как было в прогнозе. При этом среднегодовой курс доллара, по предварительной оценке, составит 55 руб. Минэкономразвития в мае 2015 года обновило макроэкономический прогноз развития России: по базовому сценарию среднегодовой курс рубля в 2015 году – 60 руб. за доллар, падение ВВП – 2,8 %. Базовый сценарий предусматривает повышение среднегодовой цены на нефть с 50 долл. за баррель в 2015 году до 60, 65 и 70 долл. за баррель в 2016–2018 годах. Этот сценарий предлагается использовать для разработки параметров федерального бюджета на 2016–2018 годы.

Видно, что базовый прогноз Минэкономразвития России достаточно оптимистичен по сравнению с негативным прогнозом Всемирного банка. В этих условиях в соответствии с положениями экономической теории правительство должно проводить стимулирующую фискальную и монетарную политику. Однако для проведения дискреционной стимулирующей экономической политики ресурсы государственного бюджета ограничены. Это было отмечено в предыдущем выступлении.

Упомянутые в докладе Всемирного банка «Новая экономическая эра?» ограничения развития экономики России представлены в левом столбце таблицы.

В правом столбце таблицы мной представлены положительные моменты указанных ограничений развития экономики России. Возникает два вопроса: 1) смогут ли установленные формальные «правила игры» работать в России в период рецессии как автоматические стабилизаторы; 2) могут ли быть выработаны стимулы для собственных усилий хозяйствующих субъектов реализовать отмеченные позитивные моменты.

Отрицательные и положительные моменты ограничений развития экономики России

№ п/п	Отрицательный момент	Положительный момент
1	Ухудшение внешнеторговых условий и возможное падение цен на нефть	Снижение влияния рентоориентированного поведения, девальвация рубля может создать стимулы для расширения производства в ряде секторов
2	Растущая стоимость импортируемых инвестиционных товаров	Ориентация на импортозамещение (ФЗ «О промышленной политике в РФ» (2014))
3	Низкий инвестиционный спрос в условиях сохраняющейся высокой стоимости заемного капитала	Своевременные меры Правительства и Банка России, которые временно стабилизировали экономику, повышение инвестиционного спроса
4	Негативные аспекты экономических санкций, в том числе: – ограниченный доступ к внешнему финансированию, дефицит инвестиций и доступных кредитных ресурсов – ограниченные возможности для передачи инноваций и технологий – снижение доверия со стороны потребителей и инвесторов	Позитивные аспекты экономических санкций, в том числе: – активизация внутренних источников финансирования инвестиций – совершенствование управления рисками в финансовом секторе и бюджете – рост внутренней инновационной активности – появление новых проектов, потребителей (латиноамериканских и азиатских) и инвесторов
5	Структурные проблемы экономики, структурная неэластичность экономики	Вынужденное постепенное изменение структуры экономики

Ответ на первый вопрос скорее отрицательный, имея в виду плоскую шкалу налогообложения доходов физических лиц и неэффективность многих институтов. Однако действие автоматических стабилизаторов требует дополнительного исследования. Ответ на второй вопрос скорее положительный, и собравшееся за «круглым столом» экспертное сообщество наверняка предложит пути активизации экономической деятельности.

При этом необходимо учитывать неопределенность геополитической ситуации. С одной стороны, Восточное пар-

тнерство Европейского союза (ЕС), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) США и ЕС; с другой стороны, Новый шелковый путь Китая, развитие сотрудничества России в рамках Евразийского экономического союза, ШОС, а также БРИКС, G20 и других группировок.

Второй момент, на котором хотелось бы остановиться, касается санкций и геополитических понижательных рисков. По оценкам министра финансов А.Г. Силуанова, данным им в конце 2014 года, потери России от геополитических санкций – порядка 40 млрд долл. в год, от падения

цен на нефть – 90–100 млрд долл. По расчетам НИУ ВШЭ, санкции приведут к дополнительному оттоку капитала из России в 60 млрд долл. в 2014 г. и еще в 170 млрд долл. в ближайшие три года (если не будут отменены). Журнал Economist оценил потери российского бизнеса от санкций в 744 млрд евро¹.

Обозначим некоторые последствия российско-украинских отношений для экономики России на основе выводов авторов книги «Конфликт двух интеграций», изданной в 2015 г.

Потери России:

1) материальные потери в виде разрушений на территории РФ от обстрелов с Украины и убытки приграничных предприятий от приостановки деятельности из-за опасности обстрелов;

2) дополнительные расходы предприятий в связи с переводом транспортировки своих товаров с транзита через Украину на другие направления перевозки;

3) дополнительные расходы предприятий в связи с переключением торговли с украинских контрагентов на других покупателей и поставщиков;

4) потеря доходов и активов вследствие сворачивания торгово-экономического сотрудничества с Украиной;

5) риски финансовых потерь России вследствие отказа Украины от выплат по государственному и гарантированному государством долгу, долгам «Нафтогаза», ареста российских активов и депозитов (оценка на конец 2014 года – до 40 млрд долл.);

6) оценка потерь России в связи с имплементацией Украиной Соглашения об

ассоциации с Европейским союзом на горизонте 3–5 лет после начала имплементации (после 31.12.2015) составляет 6–8 млрд долл. (снижение экспортной выручки и доходов от бизнеса в Украине из-за невозможности его продолжения, уход от уплаты таможенных платежей, потери доходов российских производителей из-за недобросовестной конкуренции и ценового демпинга украинских поставщиков на российском рынке и рынках других стран СНГ и др.).

Вынужденные дополнительные расходы государства в связи с ситуацией в Украине:

7) стабилизация и развитие социально-экономической сферы Крымского федерального округа;

8) содействие восстановлению объектов производственной и социальной инфраструктуры, нормального функционирования ЖКХ и социальной сферы Донецкой и Луганской народных республик;

9) организация приема и обустройства украинских беженцев на территории России;

10) развитие собственного производства продукции и комплектующих для оборонно-промышленного комплекса в связи с прекращением их поставок с Украины;

11) переконфигурирование расположения войск и военной техники, усиление юго-западного и черноморского рубежей обороны;

12) риски прекращения трубопроводного транзита российских грузов (прежде всего природного газа) через территорию Украины и связанных с этим потерь.

Таким образом, суммарные потери где-то близки к оценке журнала Economist.

Мультипликативные экономические эффекты ввиду возможного падения ВВП в 2015 году могут привести к раскручива-

¹ От редакции: Россия пытается свести санкции к экономике / Сайт «Ведомости». Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/12/01/blazhenny-mirotvorcy> (дата обращения – 17.01.2015).

нию спирали в динамике: падение ВВП – падение инвестиций – падение ВВП и т. д. Вследствие «эффекта домино» (политической концепции, разработчиком которой является госсекретарь США Дж.Ф. Даллес) могут усиливаться понижательные риски развития российской экономики.

Ограничения развития экономики России, включая санкции, имеют не только технологико-экономический, но и институционально-политический аспект. Значит, для исследования их влияния необходимо учитывать весь комплекс мотивов и последствий социально-экономических и политических действий не только России, но и других стран.

Владимир Витальевич Шмат. У меня вопрос к Галине Павловне. В начале выступления термин прозвучал, можно перевести? «Дискреционная».

Литвинцева. Направленная или целенаправленная политика государства. Не автоматические стабилизаторы, как налоги и т. д. Политика государства, направленная на решение каких-то задач.

Ольга Владимировна Глушакова. Конечно, можно говорить о чем угодно, но есть приоритеты, которые провозглашаются на национальном уровне. Например, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года было объявлено, что России предстоит решать задачи догоняющего и опережающего развития одновременно за счет имеющихся у страны конкурентных преимуществ. Но мы понимаем, что конкурентные преимущества, которыми располагает сейчас Россия, – это сырьевые ресурсы. К сожалению, ориентация на сырьевой фактор является одним из первых приоритетов развития экономики. Доля нефтегазовых доходов в общей сумме до-

ходов федерального бюджета была показана только в 2008–2009 годах, потому что слишком очевидно, что эта доля слишком велика – порядка 50 %. Это очень много. При неблагоприятной конъюнктуре на внешних рынках, что сейчас мы и наблюдаем, неизбежны проблемы в развитии экономики. Страна достаточно комфортно себя чувствовала, когда конъюнктура на нефтегазовое сырье была благоприятна. Это период с 2000 по 2008 год. В 2009 году ситуация изменилась. По оценкам экспертов Международного валютного фонда, при сохранении благоприятной конъюнктуры на нефть и газ Россия сможет восстановить утраченный в период кризиса 2008–2009 годов объем Резервного фонда до 7 % ВВП только к 2018 году. Но мы понимаем, что благоприятная конъюнктура, к сожалению, не сохранилась. А это означает, что высокие риски развития для экономики России продолжают сохраняться. Структура российской экономики эти риски формирует, поскольку наибольший удельный вес в структуре ВВП принадлежит добывающим и обрабатывающим отраслям. Консервативность структуры экономики сохраняется. И те приоритеты, которые провозглашаются на национальном уровне, свидетельствуют о том, что правительство не пытается кардинальным образом переломить ситуацию.

Тем не менее, когда Россия вошла в кризис 2008–2009 годов, впервые на национальном уровне были озвучены новые ценности: необходимость развития человеческого капитала, формирование инновационного пространства – как раз то, чему раньше не уделялось должного внимания. В послании Президента прозвучала мысль о том, что образование и наука определяют перспективный облик развития россий-

ской экономики. К сожалению, решение проблем образования и науки осуществляется формально.

Александр Олегович Баранов. Если позволите, несколько слов об экономической ситуации. Да, ситуация непростая. Есть ли источники роста? Как бороться с кризисом? Методы такой борьбы известны давно в экономической науке и практике. Есть инструменты фискальной политики, есть налоги, госрасходы, трансферты. Есть ли у нас здесь резервы? Вадим Манавинович в силу ограниченности времени, я в этом уверен, не упомянул о том, что по состоянию на сегодня величина госдолга – внутреннего плюс внешнего, включая субъекты Российской Федерации – к ВВП России равна 14 %, в США – 100 %, в Японии – 200 %, в Италии – 126 %, в Греции – 160 %. В среднем по Евросоюзу 85 %. Поэтому не надо стесняться, надо, как это делал великий американский президент Франклин Рузвельт, наращивать госдолг. Мы его можем в два, в три раза спокойно нарастить, увеличив резко госрасходы на инфраструктурные проекты, на науку, на образование. Приоритеты, конечно, должны быть расставлены. И здесь есть реальные резервы. Надо выпускать облигации, ориентируясь в основном на внутреннего инвестора. Можно и на внешнего, на китайцев, например, и инвесторов других стран.

Теперь о каком росте можно говорить при такой монетарной политике, которую проводит Центробанк России? Сейчас реально взять кредит для бизнеса – за 25–26 % годовых. Ну о чем можно говорить? Что, у нас нет источников? Да есть у нас источники! Надо наращивать денежную массу, снижать стоимость кредитов. Это в любом случае улучшит ситуацию, причем слабых будет два-три, может быть,

четыре квартала. Да, может быть, инфляция усилится, но это совершенно не факт. Есть соответствующие теоретические соотношения, многократно проверенные на статистических расчетах: если у вас ВВП падает, то при прочих равных условиях инфляция не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. А если вы увеличиваете предложение товаров и услуг, то при прочих равных условиях инфляция уменьшается. Ну и третье, это улучшение бизнес-среды, искоренение коррупции. По всем этим направлениям есть движение. Самое слабое движение – в области монетарной политики Центрального банка. Под огромным давлением они снизили так называемую ключевую ставку – это сейчас основная ставка, по которой ЦБ предоставляет деньги банкам. Но все равно она очень высокая. Причем и это было сделано под давлением критики на грани ругани. Почему-то первое лицо продолжает верить, что эта политика все равно рациональна.

Есть ли движения по фискальной политике? Да, есть. Началась реконструкция БАМа, Транссиба. Началось строительство кольцевой автодороги в Московской области. Но все это проходит очень вяло. Решения принимаются медленно, с запозданием, хотя и в правильном направлении. То же самое надо сказать об улучшении институциональной среды, снижении давления на бизнес. Есть решения, мы о них слышим, читаем, но вопрос в том, насколько энергично они проводятся в жизнь. Я, как и большинство присутствующих, пережил 1992–1993 годы. Да, санкции. Не упомянул о них Вадим Манавинович, тоже за неимением времени. Самый печальный результат от санкций – это не снижение темпов роста, оно было без всяких санкций, а то, что впервые в 2014 году у нас платежный ба-

ланс отрицательный – 116 млрд долларов. Это впервые за долгие годы, может быть, за весь постсоветский период. Ушло больше из страны валюты, чем пришло, и это, конечно, печальный результат.

Методы борьбы известны и в практике, и в теории. Не надо плакаться в жилетку, надо просто энергично подталкивать наше правительство в правильном направлении. И здесь, мне кажется, может сказать свое слово экспертное сообщество. Хорошо, что организовали круглый стол: услышат ли нас в столице – сомневаюсь, но мы поговорим друг с другом и разойдемся более бодрые и оптимистичные. Спасибо!

Сергей Петрович Исаков. У меня вопрос к Александру Олеговичу. Если следовать Вашим советам и открыть шлюзы для денег, прежде всего Центрального банка, то подразумевается, что эти деньги пойдут на развитие промышленности внутри страны. Но гораздо более вероятно, что они пойдут за рубеж. Во-первых, чисто спекулятивно. Во-вторых, даже если они будут использованы по назначению: для покупки оборудования, комплектующих и т. п. – все равно все это будет куплено за рубежом. Для внутреннего спроса, для обрабатывающей промышленности ничего не изменится.

Баранов. Нет, я не согласен. Увеличение предложения денег снизит ставки, это неизбежно. Это доказано во всем мире, это известная вещь. Снижение ставок увеличит совокупный спрос – и потребительский, и инвестиционного характера. Да, что-то уйдет за границу. Но надо ставить барьеры. Например, в Южной Африке, когда черные пришли к власти, 25 лет назад, они просто запретили вывоз капитала. И не постеснялись абсолютно! Хотя там была либеральная экономика.

Ирина Владимировна Князева. Помимо названных только что направлений преодоления кризиса, не было названо еще одно – динамичное развитие конкуренции и активизация конкурентной политики. К сожалению, за последние несколько лет мы наблюдаем ситуацию замедления конкурентной активности бизнеса, а нередко и уход активных игроков с рынка. Причины наблюдаются разные: банкротство компаний, переход в иные рыночные ниши, слияние компаний и объединение под крупными холдинговыми структурами. Вместе с тем стали нарастать тенденции активного государственного вмешательства в бизнес-среду через создание государственных корпораций, государственных и муниципальных унитарных предприятий, бюджетных учреждений и т. д.

Появились условия функционирования бизнеса вне конкурентного рынка – формирование и пополнение у бюджетных учреждений уставных фондов с последующим расходованием средств на текущую деятельность без конкурсных процедур. За последние два года создание таких учреждений сопровождалось серьезными финансовыми и конкурсными нарушениями.

Негативный тренд стал проявляться и в нарушениях органами власти и управления различных законов, формирующих конкурентный рынок. С 2009 года количество нарушений конкурентного законодательства со стороны органов власти, выявленных антимонопольными органами, начинает стабильно превышать количество нарушений со стороны хозяйствующих субъектов. В отдельные годы их доля достигала 75 %. В 2014 году, хотя количество выявленных нарушений сократилось до 55 % от всех видов нарушений, их виды стали намного разнообразнее, усилилось проявление

административного ресурса в скрытой форме давления на рынок.

У органов власти появилась внутренняя уверенность в некоторой вседозволенности в регулировании рыночных процессов. Институциональные ужесточения затрудняют рыночное поведение (оно действительно существует и стало проявляться в нормативно-правовых актах), формируют мотивацию на «закручивание гаек», что оказывает излишнее административное давление на бизнес.

И еще один момент, который здесь же прослеживается. Органы власти разных уровней, которые должны способствовать формированию у себя на территории условий для активной конкуренции, в первую очередь ее и нарушают. Мы говорим: надо поддерживать малый бизнес, формировать позитивные процессы по привлечению капитала и стимулировать инвестиционные интересы и т. д., но одновременно происходит параллельный процесс вытеснения субъектов малого предпринимательства из системы государственного и муниципального заказа, увеличения количества нарушений со стороны органов власти в отношении отдельных преференций, увеличивается количество государственных предприятий.

Нередко в публичном пространстве устраивается полемика по вопросу роли антимонопольной и промышленной политики в развитии экономики России, их антагонистической сути в формировании национальной экономики. Обществу навязывается идея о том, что антимонопольная политика – это политика либерального крыла, и ее надо менять, а проще говоря, сжимать, а промышленная политика – это политика нелиберального крыла, она имеет более сильную ориентацию и позитив-

ное воздействие на экономическое развитие страны. На мой взгляд, запуск в оборот дискуссии о столкновении этих двух политик само по себе контрпродуктивно для экономического развития страны.

И еще один аспект, который я считаю нужным отметить. Второй год существует 44-ФЗ «О контрактной системе..», пришедший на смену 94-ФЗ «О государственных и муниципальных закупках». Конечно, в реализации контрактной системы в России еще много проблем, но не о том сейчас разговор. Речь о том, что в течение 10 лет выработывалась единая тактика поведения в использовании бюджетных ресурсов. Что сейчас намечается? Буквально несколько дней назад появилась информация о том, что учреждения культуры будут, скорее всего, освобождаться от участия в системе государственных и муниципальных закупок. Действительно, если закупать канцелярские принадлежности и материал для декораций по конкурсу – это логично, то закупки услуг актеров, мягко говоря, противоестественны для театрального процесса. Понятно, что здесь надо многое менять. Но я абсолютно уверена, что дальше «под сурдинку» в различных сферах и отраслях начнут разрабатываться следующие законы-изъятия. Мы знаем, что исключения из правил становятся потом правилом.

Клисторин Владимир Ильич. Я к сегодняшнему круглому столу тоже немножко подготовился, даже написал какой-то материал. В нем методика анализа немного другая, временные ряды, интервалы немного другие, но выводы очень сходны. Действительно, есть в отечественной экономике определенные структурные проблемы. Это разрыв между сбережениями и инвестициями: очень плохо работает механизм трансформации одного в другое. Нет меха-

низма, который перераспределял бы доходы от сырьевого экспорта в развитие перерабатывающей промышленности, даже в рамках вертикально интегрированных компаний. Ведь если переработка сбалансирована с добычей или близко к этому, нет проблем с ценами на нефть, потому что снижение цен на нефть означает снижение издержек для переработки, и эти вещи тоже известны.

В настоящее время все больше экономистов разных направлений и взглядов и даже представителей правительства говорят об исчерпанности действующей модели развития экономики страны. Поэтому вопрос о выборе стратегии социально-экономического развития России является первоочередным.

Преыдушие попытки разработки стратегий силами профессиональных экономистов оканчивались неудачей потому, что экономисты не могут устанавливать политические цели.

Разделение труда здесь таково: политики определяют стратегические цели, а экономисты предлагают методы и инструменты их достижения, индикаторы, позволяющие оценить степень продвижения к целям, устанавливают этапы в этом продвижении и указывают на риски, связанные со всеми перечисленными обстоятельствами.

Политические цели могут быть противоречивы и даже несовместимы, о чем также следует помнить.

Большой ошибкой следует считать представление о том, что экономисты могут провести анализ ситуации и тенденций и на основе его разработать научно обоснованную программу структурных реформ, обеспечивающую долговременный экономический рост.

Как правило, профессионалы от общественных наук имеют смутные представления об истинных ценностях и целях политиков и чиновников, не говоря уже о группах с особыми интересами и их взаимоотношениях с властями. Но если они хорошо информированы, то могут быть вовлечены в политический процесс, что может нанести непоправимый ущерб объективности их анализа, оценок, прогнозов и рекомендаций, а впоследствии – и научной репутации.

Для выработки стратегии, что является политической задачей, и рекомендаций в части реализации политики структурной перестройки экономики страны, что является задачей для профессиональных экономистов, необходима диагностика ситуации, в которой оказалась страна, и выявление причин, обусловивших наблюдаемые тенденции.

В настоящее время российская экономика находится в рецессии, и это общепризнанный факт. Согласно последним прогнозам Правительства РФ, сокращение ВВП в 2015 году составит около 3%. Независимые эксперты говорят о несколько большем падении. Если сравнивать с предыдущими кризисами 1998 и 2008–2009 годов, то годовое сокращение ВВП в этом году примерно в два раза меньше. Еще в меньшей степени, чем прежде, выросла безработица. Это позволяет правительственным ведомствам делать оптимистичные заявления по поводу преодоления кризиса, а населению страны, судя по имеющимся данным, сохранять спокойствие. Пожалуй, единственное, что волнует население, это рост цен и неопределенность с валютным курсом.

Анализ краткосрочных тенденций экономического развития показывает, что с 2012 года наблюдается разнонаправленное

движение отдельных индикаторов, что говорит о нарастающей разбалансированности экономики и угасании инвестиционной активности, которые на первый взгляд можно преодолеть известными мерами государственного регулирования: увеличением государственных расходов, девальвацией национальной валюты, более активной социальной политикой и реализацией крупных инвестиционных проектов. Именно об этом писал в своей статье («Как потратить с умом. Механизмы обеспечения дополнительных расходов». Вестник, 25.08.2014, <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/32508971/kak-potratit-s-umom?full#cut>) А.В. Улюкаев, предлагая резкое расширение государственных расходов для ускорения экономического роста: «Вместе с тем настоящий момент представляется как никогда удачным для наиболее эффективных вложений в развитие страны. С введением ответных санкций по ограничению импорта мы получили уникальную возможность развивать важнейшие отрасли, такие как сельское хозяйство и переработка пищевых продуктов. Программы субсидирования аграриев, страхования и совместного частно-государственного финансирования строительства предприятий, способных обеспечить полноценное импортозамещение, требуют значительных средств».

Если от оценки краткосрочных тенденций перейти к изучению более длительной ретроспективы, то картина будет иной. Экономика России (тогда РСФСР) достигла пика производства в 1988–1989 годах. После этого начался спад, который резко усилился с началом экономических реформ. Стабилизация экономического положения страны в середине 1990-х годов была неустойчивой и завершилась дефолтом в ав-

густе 1998 года, когда наконец-то было достигнуто дно падения ВВП в новейшее время. После этого начался период восстановительного роста, поддержанного быстрым ростом спроса и цен на товары российского экспорта. В 2007 году был превзойден докризисный максимум значения ВВП. Но в следующем году Россию накрыло волной мирового кризиса, что выразилось в снижении ВВП почти на 8 % в следующем 2009 году. В том же году начался и восстановительный рост, и предкризисный уровень был превзойден в 2012 году. Таким образом, ВВП России вырос за последние четверть века примерно на 10–15 %, в то время как многие страны за этот период совершили мощный рывок в своем экономическом развитии.

За это время существенно изменилась структура отечественной экономики: она стала в большей степени ориентированной на конечное потребление, стала более гибкой и более интегрированной в мировую экономику. Существенно выросла доля услуг и соответственно сократилась доля производства товаров в ВВП. Одновременно выросла доля потребления и сократилась доля накопления в ВВП.

Во второй половине 2013 года экономический рост в России настолько замедлился, что ряд экономистов заговорили в конце года о стагнации или даже рецессии. Правительство РФ в течение того года четырежды снижало прогноз по росту ВВП: с 3,5 до 1,5 % за 2013 год. Самое неприятное заключалось не только в сокращении инвестиций в основной капитал, что обещало дальнейшее замедление развития экономики в следующем году; тревожит отсутствие последовательных решений по стимулированию экономического роста. Как известно, до 2008 года главными драйве-

рами экономического роста в нашей стране были постоянно растущие цены на топливно-энергетические ресурсы и рост бюджетных расходов, трансформировавшиеся в рост доходов населения. Предполагалось, что накопленные финансовые ресурсы государства будут направлены на инфраструктурные проекты, рост благосостояния населения и промышленную политику, в частности на модернизацию промышленности. Отчасти кризис, отчасти неэффективная промышленная политика не позволили осуществиться этим планам. Когда восстановительный рост закончился – экономика встала.

В этих условиях надежды на ускорение роста связывались с импортозамещением благодаря девальвации рубля и увеличению государственных расходов. Первый такой опыт был проведен летом 2013 года, второй – весной 2014 года. Но оказалось, что положительный эффект крайне непродолжителен – не более одного-двух кварталов. Более резкая девальвация в конце прошлого года вызвала панику и также не привела к макроэкономической стабилизации.

Во второй половине 2013 года инвестиции в основной капитал стали сокращаться в абсолютном выражении, в 2014 году этот спад ускорился. Следовательно, спад производства в 2015 году был практически неизбежен. Более того, в нынешнем году ускоряется падение валовых инвестиций и инвестиций в основной капитал. Следовательно, падение ВВП в 2016 году практически неизбежно.

Разумеется, важную роль играет структура инвестиций. Но если учесть, что в прошлые годы значительную долю инвестиций в основной капитал составляли, во-первых, государственные инвестиции, а во-вторых, инвестиции в инфраструктур-

ные и сырьевые проекты, отличающиеся длительными сроками реализации и окупаемости, то можно сделать вывод о том, что стагнация экономики весьма вероятна и в среднесрочной перспективе.

Почему же, несмотря на указанные обстоятельства, в последние годы наблюдался экономический рост? Ответ видится в том, что в эти годы продолжался рост финансового сектора и торговли. Эти отрасли тесно связаны: финансовый сектор аккумулировал ресурсы и направлял их в том числе на кредитование торговых предприятий и населения, что не могло не сказаться на темпах роста торговли. Потребительское кредитование росло на десятки процентов в год, пока в 2014 году не заговорили о закрепитости семейных хозяйств и быстром росте просроченных кредитов. Тем не менее рост оборота торговли продолжается.

Комментируя основные тенденции экономического развития страны, в той же статье руководитель Министерства экономического развития РФ А.В. Улюкаев писал: «Можно констатировать, что мы вступили в негативную стадию экономического цикла. Нехватка спроса сейчас является существенным барьером, который мешает восстановить устойчивый рост... Стагнация в российской экономике, наблюдающаяся с 2012 г., – следствие в первую очередь неблагоприятной мировой конъюнктуры и даже не геополитических изменений, а слабости российской экономики. Надо признать, что при том качестве институтов, которое у нас есть, невозможно существенно улучшить предпринимательский климат, заинтересовать инвесторов».

Итак, в долгосрочной ретроспективе (20–30 лет) результаты социально-экономического развития России следует признать

неудовлетворительными, особенно в сравнении с многими другими странами, причем не только с такими, как Китай, Бразилия или Сингапур, но и такими, как Польша, Казахстан, страны Прибалтики, не говоря уже о США, Германии и др. В среднесрочной ретроспективе нынешнее экономическое развитие можно оценивать как долговременную стагнацию, которая преодолима лишь при проведении структурных реформ и изменении экономической политики. При сохранении нынешних тенденций доля России в мировом ВВП, сейчас она где-то около 3 %, будет 2 %, потом 1 %. Это будет карлик. При территории в 1/8 часть суши.

Следовательно, мы опять возвращаемся к выбору стратегии дальнейшего развития России. Здесь возможно два крайних варианта действий: мобилизационный и модернизационный. Первый означает использование административных рычагов для повышения доли накопления в национальном доходе и инвестиций в ВВП. Для этого нужно резко расширить долю государства в экономике, ввести контроль за ценами, сократить социальные расходы, ввести ограничения на движение капитала, множественность валютных курсов, провести соответствующую реорганизацию и чистку государственного аппарата.

Другой вариант стратегии предполагает курс на урегулирование международных конфликтов и снижение напряженности между Россией и странами Запада, резкое сокращение присутствия государства в экономике, приватизацию, ликвидацию ряда госкорпораций и множества ведомств, снижение налогов и бюджетных расходов, отказ от части мегапроектов и т. п.

Судя по действиям Правительства РФ и, более широко, российских властей в

целом, окончательное решение пока не принято, но общий вектор движения направлен в сторону мобилизационного сценария.

Донских. Сейчас я бы хотел предоставить слово Никите Ивановичу. Пожалуйста.

Никита Иванович Суслов. Конечно, времени у нас маловато, а тема очень обширная. Высказать хотелось бы многое, тем более что практически каждое выступление уважаемых коллег вызывало у меня определенные ассоциации. Прежде всего я поддерживаю обеспокоенность Вадима Манавиновича и сразу хотел бы акцентировать ваше внимание на таком ограничении будущего роста, как возможное уменьшение объема генерируемой в России нефтегазовой ренты. В присутствии Владимира Витальевича Шмата говорить что-то о ренте, конечно, рискованно, но я все же попробую, а он меня, если что, поправит. Прежде всего, обратите внимание на следующее обстоятельство. В сложившихся новых условиях экспортная цена на российскую нефть очень не скоро превысит, скажем, 70 долларов за баррель, потому что ее рост до 65–70 долларов будет достаточным, чтобы вновь сделать рентабельной добычу сланцевой нефти, с соответствующим ростом ее общего предложения на мировом рынке. Рынок, безусловно, это почувствует раньше, чем такая добыча снова начнется, и цены на нефть, скорее всего, опять начнут падать. Это означает, что разумно исходить из предположения, что общий объем зарабатываемой Россией ренты от добычи и продажи углеводородов уменьшится примерно вдвое по сравнению с 2010 годом. Как показывают проведенные нами расчеты, основанные на регрессионной модели, при

таким сокращении ренты в долгосрочной перспективе возможно падение реального ВВП страны примерно на 15 % – это если ничего не делать. А что делать? Нужны серьезные институциональные реформы, обеспечивающие усиление стимулов к инвестированию, плюс очень взвешенная политика финансирования инвестиций.

По данным Всемирного банка, нефтегазовой ренты в России в 2010 году было создано порядка 600 млрд долларов. Значит, теперь ее будет около 300 млрд. Тут уже говорилось, что сейчас идет нарастание масштабов бегства капитала. По моим данным, в 2014 году из страны утекло где-то 150 млрд долларов. При этом, как сказал Александр Олегович, мы влетели в отрицательное сальдо счета текущих операций.

Баранов. Платежного баланса. По текущему счету мы в плюсах. Отрицательное сальдо платежного баланса минус 160 млрд. При положительном текущем счете, понятно, минус 150 млрд.

Суслов. Вы это, конечно, лучше меня знаете. Но, во всяком случае, влетели в минус по общему сальдо. Что если хотя бы частично этот поток удалось бы обратить вспять и использовать как источник для инвестиций, годовой объем которых как раз где-то на уровне тех же 300 млрд американских баксов? Управлять этим очень трудно, нужно улучшать инвестиционный климат.

Итак, меньше ренты – прежние источники финансов иссякают. Что мы можем сделать? Говоря «мы», я, конечно, имею в виду не нас с вами, собравшихся поговорить, а затем, на страницах уважаемого журнала «Идеи и идеалы», донести свои мысли до общественности и власть имущих. Я как раз и говорю о «власть имущих», о правительственных кругах, назовем их для краткости «элитами», которые должны при-

нимать решения и способны контролировать ход их претворения в жизнь. Давайте предположим, что такие элиты существуют и хотят добра всему нашему обществу, а не только себе. Что тоже не факт. Но предположим.

Тогда с позиции экономической стабильности в длительной перспективе в первую очередь они должны заняться, конечно же, судебной системой. Если нет независимого, неангажированного суда, то не может быть и рыночной экономики, потому что основой ее является частная собственность, которая должна охраняться законом, и коммерческий контракт, за нарушением которого должны следовать жесткие экономические и юридические санкции. Если нет легитимного арбитража, то в споре побеждает не тот, кто прав, а тот, у кого «крыша» выше и круче. А в России с этим проблемы, поскольку кроме закона писанного и принятого существует еще и власть в чистом виде, сидящая на телефоне – а в современных реалиях уже и на смартфоне – и любящая деньги. Но деньги любит и сама судебная система. Эта чистая власть зачастую стоит над законом, а не подчиняется ему. В результате если вы занимаетесь бизнесом, то вас могут «кинуть» с тем большей вероятностью, чем дальше вы от той власти или высоких покровителей находитесь. А это очень неудобно инвестору, особенно новому инвестору. Если не поставить власть под контроль судебной системы, которая в идеале выражает интересы всего общества, то у этого общества просто не останется достойного будущего.

К числу важнейших заслуг Владимира Владимировича Путина следует отнести и тот факт, что вскоре после его прихода на мировом рынке чудесным образом начали расти цены на нефть, а затем и на другие

энергоносители, на сырье – на то, что мы по преимуществу экспортируем. Если бы растущие доходы тогда начали вкладывать в реформирование и укрепление всей системы обеспечения законности и правопорядка, мы бы сейчас жили в другой стране. А теперь – не поздно ли?

Теперь насчет финансирования инвестиций в развитие экономики. Несмотря на сильное сокращение, рента еще генерируется в России, и в значительных размерах. Она в том числе позволяет формировать и пополнять суверенные фонды РФ, золотовалютные резервы, которые сейчас составляют порядка 360 млрд долларов, что на треть меньше, чем было в начале 2013 г. Для обслуживания госдолга столько не требуется. Порядка 180–200 млрд долларов можно было бы направить на стимулирование инвестиционной активности. Но не просто взять и отдать деньги, скажем, через увеличение денежной массы за счет эмиссии – тут я не согласен с Александром Олеговичем, во всяком случае, как я его понял. Я думаю, что российская экономика влетела в ситуацию, которая характеризуется как классическая ловушка ликвидности: если деньги у бизнеса появляются, их не используют для инвестиций в производственные активы. Эти деньги оказываются задействованными в спекулятивных операциях. Мы это видели в декабре прошлого года, когда произошел крупный заем денег Роснефтью, очевидно, практически напрямую у Центрального банка, через оставшихся тайными посредников, что, между прочим, запрещено законом. Из порядка 600 млрд рублей размещения облигационного займа очень значительные средства оказались на валютном рынке, и мгновенно курс евро взлетел с 60 до 100 рублей, потом, правда, скорректировавшись. Чтобы остановить

панику, ЦБ пришлось резко повысить ключевую ставку.

Упомянутую часть резервов – 180–200 млрд долларов – можно использовать на целевые кредиты бизнесу, но не забыть и некрупный бизнес: малые и средние предприятия. Для этого нужны четкие приоритеты и целевая программа, имеющая статус закона. Когда, правда, ее принимать? Времени все меньше. Хорошо бы было в кредитных схемах задействовать иностранные банки, имеющие лучшую репутацию, чем российские и меньше склонные идти на рискованные спекулятивные операции. Они могли бы жестче контролировать использование средств российскими компаниями. Но не очень понятно, как это можно сделать в условиях санкций.

Князева. Ну, то что Мировой банк контролирует, когда гранты выдают, самую последнюю копеечку, это мы знаем.

Суслов. Я в данном случае говорю о том, что нужно найти механизмы финансирования. Не просто дать всем денег, не просто расширить денежную базу, а сделать это наиболее эффективным способом. Именно найти механизм превращения сбережений и ренты в инвестиции. Считаю, что для дальнейшего развития, достижения высоких темпов роста требуется увеличение объемов инвестиций в полтора-два раза. Необходимо перевооружение экономики.

Малому бизнесу надо создавать преференции, благоприятные условия. В нашей бесправной среде крупный бизнес как-то может себя защитить и сам, а вот малый и средний – нет. Но именно малый и средний бизнес – основа экономики! Это рабочие места, это налоги. Я думаю, что надо реализовать систему действенных мер по реанимации этого сектора. Потому что в

России 12 % заняты в малом бизнесе, а в нормальных рыночных странах – не менее 50 %, в Южной Корее что-то около 95 %.

Донских. У меня вопрос. Когда я читал то, что представил Вадим Манавинович, и когда я был на симпозиуме в рамках Технопрома, где Виктор Иванович Сулов выступал и другие, у меня все время оставался один вопрос на заднем плане. Вы не случайно же сказали про судебную систему.

Сулов. Я считаю, что это ключевой момент.

Донских. А я думаю, что есть еще два ключевых момента, без которых это все просто бессмысленно. Первый, у нас в вузе было проведено социологическое исследование по качеству управленцев. И выяснилось, что большинство из тех, кто управляет крупным и средним бизнесом, не соответствуют требованиям инновационной экономической системы. И я знаю, что настолько все убого, что некоторые министерства отдают на аутсорсинг разработку политических документов, а это абсолютно немислимо в нормальных условиях. То есть та элита, которая получила дополнительное образование за рубежом и очень этим гордится и думает, что она чем-то управляет, реально отдает свою работу на откуп другим людям, которые могут что-то делать. И я убежден, что одно это – проблема, без решения которой все бессмысленно.

И второй момент, не менее ключевой, чем судебная система, – это система образования. Мало того, что у нас очень мало туда вкладывают, в процентах от ВВП. Я уже не говорю о науке, про ФАНО, это же все делается какими-то немислимыми способами. Но даже если мы берем среднюю школу, ведь это такой низкий уро-

вень, что уже на уровне высшей школы невозможно вытянуть его до какого-то приемлемого качества. Или аспирантура, которую превратили сейчас в третий уровень образования и тем самым резко опустили еще ниже, чем она была до сих пор. Требуют при этом защищаться за три года, а ведь еще в начале 80-х годов в Академгородке средний срок от поступления в аспирантуру до защиты кандидатской диссертации был 7 лет. А здесь требуют защиты за 3 года в условиях, когда начальный уровень гораздо ниже, чем был тогда, и в условиях, когда они должны прослушать кучу дополнительных курсов. А с учетом того, что все работают, времени на выполнение научной работы серьезного уровня просто не остается. О какой конкурентоспособности здесь можно говорить?

Если строится некая модель, сценарий, программа – и эти факторы не учитываются, то тогда, с моей точки зрения, ни один сценарий не пройдет. Если говорить о каких-то длинных деньгах, без серьезного повышения качества работы системы образования это просто бесполезно. Можно пояснить примером на материале спорта: либо мы вкладываем огромные деньги и покупаем игроков в Бразилии, либо мы эти же самые деньги тратим на детские спортивные школы у нас. Я бы забыл об успехах большого спорта на какое-то время, они потом будут, если мы вложим вот в эти спортивные школы.

Вот эти вещи хотя бы как-то учитываются?

Сулов. То, о чем Вы говорите, мы называем «человеческий капитал» и «экономика знаний». Эти правильные слова всегда присутствуют в нынешних программах развития экономики. Все посчитано: сколько у нас вкладывается, сколько

надо. Известно, что инвестиции в эти сферы в России в полтора раза меньше, чем в Европе, хотя я думаю, что разрыв больше, намного больше. Но нужны механизмы, обеспечивающие реальный рост вложений в развитие человека и знаний. Среди нефтегазовых стран те имели больший экономический успех, которые вкладывали именно в человеческий капитал, в экономику знаний.

Гильмуллин. Есть даже расчеты нашего сотрудника, который показал, что Норвегия вырвалась вперед как раз за счет огромных вложений в человеческий капитал.

Баранов. Относительно судебной системы я абсолютно согласен с Никитой Ивановичем, что она должна быть независимой. Там огромное количество проблем, которые связаны с коррупцией, и это не только в судебной системе. Но должен сказать, что у меня нет ощущения полной безнадежности. Я просто знаю практику одного молодого юриста в Москве, это мой сын, который выиграл пятьдесят арбитражных судов и практически по всем судам оплата состоялась. Может быть, это нерепрезентативная выборка, но тем не менее это живой факт. Так же как меня все время угнетает разговор о том, что у нас нет среднего бизнеса. В целом, конечно, проблема есть. Но сказать, что у нас совсем уж ничего нет... Ну, это привычка русской интеллигенции.

Сказать, что у нас в судах все решается за взятки – это как сказать, что у нас в университетах все обучаются за взятки. А кто берет эти взятки? Все здесь сидят честные люди. Ведь многие из нас преподают.

Суслов. Очень действенный эксперимент, опробованный в международной практике: как стимулировать инновации.

Ведь у нас очень слаб именно спрос на инновации. Как их стимулировать? Можно написать в отчете: «Я придумал инновационную гайку, у меня ее, этой гайки, уже производится на 1 % больше, чем в прошлом году». А у тебя возьмут эту гайку по экспорту? Вот если ты экспортируешь, мы тебе даем льготы по кредиту, освобождение от налогов. Так поступали в Китае и Корее. Сейчас такие методы используются в Узбекистане. Они доказали свою действенность. Это о том, как стимулировать реальные, а не надуманные инновации.

Князева. Первое – по стратегиям, модернизационной или мобилизационной. И в той и в другой, к великому сожалению, упор делается на централизацию, на активизацию государственной системы управления, на огосударствление экономических процессов, на жесточайший контроль. Таким образом, мы возвращаемся к той системе, которую хорошо с вами знали – фондирования и централизованного распределения ресурсов.

Теперь самый сложный вопрос для России и стран Евразийского экономического пространства – развитие и регулирование параллельного импорта. Есть владелец инновации, который ее зарегистрировал и который решает, кому давать возможность производства, поставки и т. д. Например, лекарства, которые выпускаются по формуле, и владелец разрешает только определенным компаниям осуществлять выпуск препарата. Есть по аналогичной формуле выпускаемые лекарственные препараты-дженерики, продающиеся под международным непатентованным названием, но имеющие соответствующую лицензию. Они могут быть дешевле в 2-3 раза патентного оригинала.

Существует два подхода к формированию политики использования режима исчерпания прав на результаты интеллектуальной деятельности: национальный (региональный) и международный. Страны, которые осуществляют деятельность на условиях международного принципа исчерпания прав, предоставляют широкие конкурентные возможности для фирм, не имеющих брендовых ограничений, но обладающих всеми необходимыми лицензионными документами. В России действует региональный принцип исчерпания прав, предусматривающий власть компании, имеющей бренд, над всей цепочкой товародвижения². Переход на международный принцип исчерпания прав – параллельный импорт – позволит импортировать в Россию товар под соответствующей торговой маркой, полученной любым импортером, а не только владельцем конкретного бренда или его эксклюзивным дистрибьютором. Тогда продукцию можно будет закупать в третьих странах (например, лекарства в Индии), где она стоит дешевле, без ведома правообладателя. Федеральная антимонопольная служба предлагает исключить оборот фармацевтической продукции, и в первую очередь лекарств, из существующего регионального принципа и перейти к международному, что позволит сдерживать цены на рынке.

² В настоящее время в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) действует региональный принцип исчерпания прав на товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности. Согласно этому правилу, ввоз таких товаров на территорию ЕАЭС возможен только с разрешения владельца бренда, а ввозимые без такого разрешения товары должны иметь лицензионные разрешения или задерживаться на внешних границах Союза.

Донских. Тогда будут лекарства дешевле?

Князева. Говорят, что тогда цены на лекарства у нас будут ниже. Кстати, о том, что это одна из антикризисных мер, недавно говорил и глава российского правительства. В настоящее время готовится постановление правительства по рынку лекарственных препаратов.

Глушакова. Хотелось бы высказаться по поводу качества управления. Олег Альбертович совершенно справедливо заметил, что качество менеджмента низкое на уровне субъектов хозяйствования. Однако, качество менеджмента низкое на всех уровнях управления.

Об этом свидетельствуют международные оценки, в частности индекс WGI (World Governance Index), который характеризует эффективность государственного управления. Проведенный мониторинг динамики индекса с 1992 по 2013 год позволил увидеть, что практически все составляющие индекса имеют отрицательные тренды: право голоса и подотчетность, эффективность деятельности правительства, верховенство закона, качество законодательства, контроль коррупции и др., несмотря на то что у нас сейчас официально проводится политика борьбы с коррупцией, реализуется концепция снижения административных барьеров. Тем не менее международные оценки имеют отрицательные тренды.

По поводу ловушки ликвидности. Действительно, нет механизмов, которые бы позволили трансформировать ресурсы добывающего сектора в иные сектора экономики. Но если не будет доверия со стороны бизнеса, общества к деятельности органов власти и управления, то эту трансформацию, к сожалению, обеспечить будет не-

возможно. И мы с Вами, уважаемые коллеги, тоже не будем инвестировать, если этого доверия не будет.

Возьмем, к примеру, индекс восприятия коррупции. Измерение производится по шкале от нуля до 10. При этом Россия находится в нижней части рейтинга (значение индекса 2,4) и делит место с Азербайджаном и южно-африканскими странами (Тимор-Лесте, Уганда). К наименее коррумпированным относятся скандинавские страны. Россия, к сожалению, продолжает оставаться высоко коррумпированным государством.

Клисторин. Хотел бы добавить по поводу ресурсов для развития. Мы живем, вообще говоря, в глобальном мире, и мне один человек, очень информированный, рассказывал, что в 80-е годы стояла проблема, как получить новый драйвер развития мировой экономики. Рассматривался либо Китай, либо СССР. СССР по уровню образования, по развитию инфраструктуры, по другим показателям был много лучше Китая. Но выбрали Китай, потому что там была предсказуемая политика. Советский Союз уже в 80-е годы выглядел непредсказуемой страной.

Литвинцева. Хотя и во главе с компартией. И никого это не смущало.

Клисторин. Да, в обеих странах была компартия. Но китайская компартия была предсказуема, а советская – нет.

Донских. Но там уже Дэн Сяо Пин начал работать. И Чжоу Эн Лай.

Клисторин. Да. И были получены ресурсы извне, и они раскрутили вот это всё. И это очень важный момент – стабильность в проведении политики. Не стабильность в персоналиях, а стабильность именно в проведении политики. У нас же принимается огромное количество противоречивых законов. В этом

отношении мы выглядим очень нестабильной страной, и это на самом деле очень важная проблема, не касаясь здесь сугубо политических вещей.

И последнее, по поводу качества управления. Я могу сослаться на мнение Примакова, который все это знает не понаслышке, не ориентируется на международные рейтинги, а знает все изнутри. Он крайне низко оценивает качество управления в нашей стране.

Донских. Про законы добавлю: там же не только противоречия. В законе об образовании, который я знаю и обсуждал, 400 страниц – это просто невозможно! Когда там 10 тысяч поправок – это немыслимо. Это заведомо закон, который можно поворачивать как угодно, т. е. изначально принимается такое, что не будет работать.

Шмат. Что хотелось бы сказать. Прежде всего думается, что дело не в ценах на нефть. На мой взгляд, об этом факторе можно забыть и не сильно по этому поводу печалиться. Какие будут, такие и будут – выживать надо при любых ценах на нефть. Тем более, если посмотреть, как влияют нефтяные цены на нашу экономику. Я сильно сомневаюсь во всех этих регрессиях. Если обратиться к статистике всеми нами любимого Всемирного банка, то можно увидеть, что в период с 1990 по 2013 год нефтяная рента в России выросла примерно на 25 %. При этом к 2007 году цены на нефть достигали «заоблачных высот». Цены растут, а рента не растет, куда что девается? Так вот, издержки в нашей нефтедобыче за это время выросли почти в 4,4 раза. Цены растут, но весь этот рост съедается издержками. Если брать от нижней точки отсчета по ценам на нефть, т. е. в сравнении с 1998 годом, то рента выросла в 4,9 раза, а издержки – в 16,6 раз. Так

что, дело не в ценах на нефть, скорее всего. И мне, честно говоря, кажется очень сомнительным надеяться на то, что улучшение нефтяного рынка будет оказывать заметное влияние на наше развитие. Это первое замечание.

Второй момент.

Князева. Можно одно замечание? У меня всегда в голове была такая мысль, что нам очень выгодно постоянно говорить о ценах на нефть, потому что эта ситуация скрывает все остальные проблемные зоны. Так же как сейчас в Украине война...

Шмат. Собственно говоря, эффект высоких цен на нефть, который имел место в 2000-е годы, мы не наблюдаем даже в нашей официальной статистике. Вот я смотрю данные: динамика выпуска в нефтегазовом секторе и валовой добавленной стоимости в НГС. Две кривые к 2012 году сходятся, при этом динамика валовой добавленной стоимости имела отрицательный наклон в период 2005–2009 годов, т. е. в период экстремально высоких цен на нефть. И еще один из интересных сюжетов, который постоянно находится в центре внимания, это зависимость валютного курса от цен на нефть. Если взять ежемесячную статистику за 2005–2013 годы, отразить ее графически и попытаться выстроить тренд, то картинка будет похожа на творение художника-абстракциониста. То есть никакой статистической зависимости мы не увидим. А вот если посмотреть, что происходило в 2014 году, то выявляется сильнейшая корреляция, близкая по своей величине к единице.

Гильмуллин. Можно я прокомментирую? Я занимаюсь проблемой валютного курса. Дело в том, что надо смотреть движение по всему платежному балансу. Если

мы учтем эти движения, то там коэффициент детерминации будет достаточно высоким. И цены на нефть играют достаточно важную роль в формировании счета текущих операций.

Шмат. Ну, во всяком случае, гораздо более существенное снижение цен на нефть, которое было в предшествующий кризис, не привело к такому падению курса, которое наблюдается сейчас. Так что, тут очень многие обстоятельства сыграли роль, в том числе и политика ЦБ. Но есть определенные стереотипы, которые на протяжении уже достаточно длительного времени формируются в сознании наших исследователей, а скорее всего – руководителей и политиков. Почему я обратился к курсу? Скажем, когда в 2007 году разрабатывался проект налоговой реформы в нефтегазовом секторе, ведущие иностранные консалтинговые компании – это Эрнст & Янг, КЭРА – очень много внимания уделяли тому, как надо моделировать изменение валютного курса в зависимости от изменения цен на нефть. А валютный курс нужен для расчета прогнозных ставок НДС и экспортной пошлины. В какой-то степени это дало эффект: внедрение идеи о наличии тесной взаимосвязи между ценами на нефть и валютным курсом в сознание, по крайней мере, руководителей компаний, нашего Министерства энергетики.

Теперь немножко к прогнозам. Уже около двух лет у нас идет работа по сценарному прогнозированию российской экономики – именно по моделированию сценариев, оценке реализуемости возможных сценариев развития. Сейчас проходит второй этап, он еще немного не завершен, потому что не все эксперты, в том числе присутствующие здесь, приняли участие в опросе.

Результаты первого этапа были достаточно простые и в то же время любопытные. Рассматривались три сценария: «На пути в ОЭСР» – построение экономики и политической системы прозападного типа; «Ресурсная держава» – это тот путь, по которому мы идем, и «На периферии мира» – куда мы можем скатиться в случае, если тот или иной сценарий не состоится. Все базовые сценарии, по мнению экспертов, получили очень близкие оценки реализуемости. Сейчас, несколько упреждая результаты, которые должны получиться (но они уже более или менее стабильны), можно сказать, что вероятность сценария «На пути в ОЭСР» составляет порядка 1–2 %, «Ресурсной державы» – около 60 % и остальные 38–39 % делятся примерно поровну между еще тремя сценариями. Мы расширили сценарные представления, введя два дополнительных сценария. Один из них – с условным названием «Лицом к Востоку», предполагающий построение экономики и политической системы с использованием успешных моделей Южной Кореи, Гонконга, Сингапура, т. е. азиатского типа. И сценарий под названием «Свой путь», т. е. попытка выстроить некий сценарий, путь развития, при котором мы не будем акцентировать внимание на каком-то зарубежном положительном или отрицательном опыте, а попытаемся использовать свои сильные стороны и нивелировать свои слабости. Потому что, на наш взгляд, любое копирование бессмысленно, поскольку нет одинаковых стран. Если мы возьмем даже страны, входящие в ОЭСР, страны западного толка – они ведь тоже очень разные, и нет среди них даже двух, которые бы шли к своим успехам совершенно одинаковым путем. И последний сценарий – «Периферия мира». По предварительному результату при современной

оценке вероятности реализации рассматриваемых сценариев самый неблагоприятный получает оценку порядка 15 %. Но это не 40 и не 30 % первоначальных, как было в прошлом году. То есть какой-то оптимизм все-таки есть.

Есть еще одна работа, которую мы сейчас делаем, – по когнитивному моделированию российской экономики. В частности, мы попытались построить прогноз на период до 2020 года. Метод позволяет выстроить инерционный прогноз, не предполагающий каких-то управляющих воздействий на экономику. Такой прогноз оказывается довольно неблагоприятным: к 2020 году падение ВВП составит примерно 12 % по отношению к уровню 2013 года. В рамках этой модели попытались решить, что называется, обратную задачу: найти комплекс управляющих воздействий на экономику, который позволит достичь роста целевого показателя ВВП на 16 % к 2020 году (по сравнению с 2013-м). Это, по сути, экстраполяция того прогноза Минэкономки на 2018 год, который недавно появился на сайте Министерства, и картинка получается следующая. Приоритет по управляющим воздействиям (степень интенсивности которых оценивается по максимуму в 100 %) принадлежит привлечению иностранных инвестиций (84 %). Далее идут воздействия по развитию научного и образовательного комплекса (37 %); стимулирующие воздействия по инвестициям вообще (24 %); принятие мер по снижению внешних рисков, воздействующих на экономику (16 %). То есть наиболее приоритетным направлением экономической политики может стать привлечение прямых инвестиций, и неважно в данном случае, новые это инвестиции или репатриация ранее вывезенного капитала. Во всяком случае, необходимо задей-

ствовать внешние источники для инвестирования.

И последнее, что касается сценария «своего пути». Мне кажется, мы слишком много, тут я позволю себе не согласиться с Никитой Ивановичем, говорим об экспорте и стимулировании инновационного производства. Мы столкнулись с этой проблемой при исследовании направлений развития глубокой переработки углеводородов. На востоке страны в связи с освоением газовых ресурсов начинается строительство газохимических предприятий, ориентированных на экспорт большого количества химической продукции. Мне представляется, что это почти тупиковый путь развития. Нам нужно не на экспорт ориентироваться, а максимально стимулировать расширение внутреннего рынка. Потому что по очень многим видам продукции, и в первую очередь по продуктам глубокой переработки углеводородов, нас там – на зарубежных рынках – не ждут. Крайне сложно пробиться с продукцией нашей переработки, скажем, на европейский рынок. Не нужен там наш бензин. Сырье, мазут возьмут, а бензин – нет. И я боюсь, что со многими видами химической продукции у нас будет иметь место такая же картина. Надо создавать внутренний рынок, внутренний спрос, только через это возможно развитие многих важных для нашей экономики современных отраслей промышленности, видов деятельности. На экспорте мы далеко не уедем.

Донских. У меня предложение такое. Сейчас мы завершаем уже выступления. У нас получился такой экономический в основном круглый стол, это и понятно из темы. Но я думаю, что-то уловили и неэкономисты вроде меня. Но в конце мы всегда делаем одно: каждому дается слово в преде-

лах минуты: сказать что-то главное, чем бы вы хотели завершить обсуждение, что-то существенное. У меня просьба выступить прямо по порядку.

Баранов. Я повторяюсь. Принято много правильных решений. Надо их энергично реализовывать. Соответствующий кадровый состав формировать. И тогда мы добьемся результатов.

Литвинцева. Во-первых, одним из правильных решений было принятие Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» (декабрь 2014 г.), направленного на импортозамещение, на развитие отраслей, которые лежат в основе технологического прогресса, инновационного пути развития и формирования информационного общества. Давайте посмотрим на тот же Евросоюз, на подписание ассоциативного соглашения Молдовы и Украины с Евросоюзом. Там главное не импортные пошлины и налоги, а технологические регуляторы, которые сейчас не позволяют им полноценно войти в Евросоюз. Они вынуждены пока работать в зоне постсоветских стран, которые исторически выработали другие технологические стандарты. Это касается и Киргизии, и Таджикистана, который не вошел еще в Евразийский экономический союз, но является членом ВТО.

Что значит технологические стандарты? Да это и есть промышленная политика, политика регулирования, российский вектор новой индустриализации. Находясь на ступени нового технологического уклада, можно будет говорить – Ирина Владимировна, простите меня – о совершенствовании конкурентной политики. Иначе с какой целью конкурировать? Возьмем крайний случай, что мы ничего не производим, но продаем на рынках все подряд как по-

средники. Итог ясен: сырьевая – не сырьевая, но посредническая страна. Тогда тип конкуренции и переговорная сила сторон будут совсем иными. В первую очередь нужно развитие технологической базы и соответствующих ей институтов, это и есть каркас экономической системы.

И второй момент, который я не включила в основной доклад, это действие инфляционной спирали российской экономики. Ее краткий смысл такой: при постоянных или снижающихся экспортных ценах на энергоносители, в первую очередь на нефть, инфляционная спираль российской экономики начинает работать в обратную сторону. В условиях сохранения энергосырьевой специализации экономики России нефтеэкспортеры не хотят терять привычный для них уровень доходов, это никому не выгодно: ни экспортерам, ни государству. Начнется «перетягивание одеяла» созданной в экономике добавленной стоимости в сторону экспортоориентированного сектора в ущерб внутренне ориентированным отраслям. Новая индустриализация окажется под вопросом, потому что часть отраслей обрабатывающей промышленности, машиностроение и другие конечные отрасли относятся именно к внутренне ориентированному сектору. Где поставить запятую в известном предложении о том, кого помиловать, достаточно много говорилось в предыдущих выступлениях.

Князева. По поводу новой индустриализации не спорю, и это естественный путь развития, другого нет, но я бы категорически не ставила вопрос, что первое, что второе. Наличие конкуренции – это естественный путь экономического развития, как солнце всходит и заходит. Поэтому и научно-технический прогресс, и индустриализация

должны быть реализованы с учетом общих конкурентных принципов функционирования экономических систем. Это первый момент.

Второе. Сегодня много говорили о низком качестве управления. Но, к сожалению, сейчас, на мой взгляд, на фоне низких управленческих компетенций стала формироваться политика абсолютизации управленческого решения и вседозволенности государственного служащего.

И третье. Мне понравилась высказанная идея возможного поиска «своего пути» для России. Может быть, следующий круглый стол посвятить обсуждению, что такое вообще свой путь, с привлечением и культурологов, и социологов, нужен ли он России и может ли быть драйвером экономического и духовного развития.

Литвинцева. Я бы сказала не о качестве конкуренции, я бы для России сказала шире: о качестве институтов.

Гильмуллин. На самом деле, у нас в России две проблемы, экономические. Первая – это спрос. Государство урезает расходы, крупным корпорациям приказано урезать расходы, население начинает урезать расходы. А за рубежом (развитые страны) вообще не хотят покупать нашу продукцию в силу санкций. Возникает вопрос: а за счет чего мы собираемся расти?

Второй момент – а в чем в нашей экономике сравнительные конкурентные преимущества для бизнеса? Почему должен вестись бизнес в нашей стране? Что дает такого наша страна в смысле плюсов для бизнеса? Если мы начнем перечислять основные элементы, мы видим, что по всем фактически конкурентоспособность снижается. Это ключевая, на мой взгляд, задача для правительства – нахождение тех самых сравнительных конкурентных пре-

имущества для бизнеса. И не просто декларация, а обеспечение положительных тенденций с точки зрения развития конкурентоспособности. Да, институты важны, и Россия должна здесь повышать конкурентоспособность, иначе бизнес будет уходить в другие страны. Но я боюсь, что этого недостаточно, потому что дорогая рабочая сила с падающей квалификацией, дорогие энергоресурсы, дорогое сырье – это тоже дает свой вклад в потерю конкурентоспособности.

Суслов. Я вот о чем хочу сказать в заключение. Мне кажется, что сейчас рубль уже вполне достаточно упал против доллара, евро, других главных валют. Вряд ли мы скоро увидим его укрепление. Это значит, что российские производители продукции, конкурирующей с импортом, получили дополнительные преимущества. Поэтому я думаю, что контрсанкции – я имею в виду эмбарго на ввоз продовольствия из Европы и Северной Америки – надо отменять. Вполне достаточно сложившихся условий, чтобы наши фирмы могли проводить импортозамещение, даже и в долгосрочной перспективе. Мне кажется, что также нужно урегулировать проблему Украины, потому что сейчас ввиду санкций Запада российский бизнес оказался отрезанным от ведущих рынков капитала. На азиатских рынках деньги дороже, да пока и не видно, что Россия представляет серьезный интерес для тамошних инвесторов.

Антипов. Моя стратегия, определившая мое отношение к тому, что здесь происходило, очень простая: получить как можно больше и желательно бесплатно. И я, как мне кажется, получил то, что хотел. Что я имею в виду? Мы начали на кафедре работать над грантом по экономическому мышлению. Исследуем, что это

такое, каковы его принципы и т. д. То, что я здесь услышал, мне представляется добротным эмпирическим материалом для соответствующих интерпретаций в духе нашего исследования по экономическому мышлению.

Князева. Хочу ответить на то, что Галина Павловна говорит: изучалось. Коллеги! В декабре месяце присутствовала при ситуации, когда студенты, родившиеся уже в рыночной экономике, сказали мне, что гораздо лучше, когда один субъект на рынке: меньше тратишь времени на поиск товара.

Глушакова. Все-таки развитие человеческого капитала является приоритетом. Человеческий капитал выступает главным фактором производства. Не будет этого ресурса – не будет ничего. Роли человеческого капитала в посттрансформационный период долгое время не уделялось должного внимания. Но инновационное пространство не будет сформировано, если некому будет его формировать. Достаточно сказать о том, что интеллектуальный генофонд нации был сильно истреблен в 30-е–40-е годы.

Одним из ограничителей развития выступает ментальность российского общества. Ментальность – фактор не экономический, но в экономике играет не последнюю роль.

Шмат. По поводу фактора ментальности: почему не экономический фактор? Очень даже экономический, и он во многом определяет реализуемость наших стратегий, наших планов. Планов громадье, а ментальность нашу они не учитывают.

Клисторин. Мне кажется, что самая главная проблема в нашей стране – это, конечно, качество управления, способность выработать и реализовать какую-то программу действий. И второй момент,

который для меня очень важен. Сплошь и рядом мы говорим, что вот это ошибка, это неправильно было сделано и т. п. На самом деле по действиям экономических субъектов мы можем судить об их истинных целях. Они могут произносить какие угодно декларации, но по тому, какие они принимают решения и как реализуют их, мы можем реконструировать их намерения.

Мне кажется, что сегодняшнее обсуждение было интересным с точки зрения междисциплинарного подхода, когда затрагивались политические, сугубо экономические, управленческие и культурные аспекты развития нашей страны.

Исаков. У нас сегодня разговор был посвящен структурным ограничениям. Их очень убедительно обрисовал Вадим Манавинович, а все присутствующие добавили массу других: управленческих, технологических, социальных... И каждое из них – ключевое. Их совместное системное действие не позволяет нашей стране двигаться по пути инновационного, постиндустриального и даже просто индустриального развития, и все здесь сидящие сталкиваются с этим в своей области исследования. И мне совершенно непонятно, почему в результате делается вывод, что тем не менее индустриализация, модернизация и наукоемкие технологии – единственная альтернатива, которая вытянет нашу экономику. Если все факторы говорят «нет», то откуда будет «да»?

Донских. То есть это иллюзорная альтернатива?

Исаков. Именно! С таким же успехом можно закладывать в сценарий развития поголовный отказ от взяток, пьянства и воровства. Это на самом деле мечта, лозунг в одном ряду с хрущевским «Догнать и пере-

гнать Америку» или горбачевскими «ускорением и перестройкой».

Речь не о том, что нам не нужны инновации и индустриализация – хоть новая, хоть старая. Какая-то индустриализация любой, тем более крупной стране необходима. И она у нас есть, и так или иначе она развивается. И государственные методы управления ею тут почти неизбежны, ведь вся наша индустриализация почти целиком укладывается в военную область, потому что цель ставится именно военная самостоятельность. Украинские события, санкции это только подчеркнули. Элита нынешняя это прекрасно понимает и что может в этом направлении – делает.

Но как главное направление развития страны, как свет в конце туннеля этот путь невозможен, потому что это **не наш** путь. Россия не Америка, не Германия и не Китай. Попытки стать «как они» приводят лишь к бесполезной растрате ресурсов и хуже того – уводят от того пути, который реально может вывести страну из нынешнего тупика. И чем скорее в умах наших экономистов, а потом и политиков произойдет поворот в этом плане, тем, мне кажется, реальнее будет другой путь.

Каким он будет – пока не ясно. Может быть, Россия станет новым центром индустриального сельского хозяйства (Пространство! Вода!), или всемирным транзитным транспортным коридором, всемирным вузом (хотя это – вряд ли). Впрочем, будущее подскажет. Варианты могут быть разные, но чтобы получить правильный ответ, надо как минимум задать правильный вопрос.

Донских. Два слова буквально скажу. Я помню из предшествующего круглого стола, когда участвовали Никита Иванович и Владимир Витальевич, такую про-

стую вещь, которая меня сильно напрягла, что нефтегазовый комплекс не является локомотивом развития нашей экономики, поскольку все заработанные на экспорте деньги тратятся на импорт. Все, что им нужно, нефтяники и газовики заказывают за рубежом (знаменитое соглашение «газ – трубы»). И тогда мне многое стало понятно. Ясно, что это связано с управлением. Ведь когда санкции пошли, стало ясно, что что-то можно и у нас делать, и даже для нефтегазового комплекса.

Второй момент. Когда я читал Ваши, Вадим Манавинович, статьи в «Эко», я понял (я здесь согласен с Сергеем Петровичем), что у нас все упирается в какие-то вещи, которые лежат за пределами экономики. Сегодня о них говорили: это независимость суда, это образование, это система управления. Здесь же еще одна важная вещь прозвучала, и я согласен с ней на 300 %, что нельзя копировать. В системе образования, когда мы ввели бакалавриат, я никог-

да в жизни не забуду голубые глаза немца, который у нас участвовал в конференции в НГТУ. Он смотрел и спрашивал: зачем вам это нужно, если бакалавры – это дешевая рабочая сила на рынке труда, которая после 40 лет не имеет никаких перспектив? А что ему ответить, я с ним согласен, но толку от моего согласия ноль.

Резюмирую. Я считаю, что даже разговор на эту тему важен, потому что формирование мнения происходит. Капля камень точит. Важно собираться, чтобы были люди разных специальностей, поэтому журнал последовательно проводит эту политику. К сожалению, нас опять сейчас подкашивает ВАК, ограничивает число специальностей в журнале, но я думаю, что даже это мы переживем. И я думаю, что предложение по обсуждению возможностей «своего пути» очень актуально, мы его постараемся организовать.

Я всем очень благодарен за участие.

По традиции журнал публикует размышления ученых по теме круглого стола, не участвовавших непосредственно в обсуждении.

Ханин Гирш Ицикович, д-р экон. наук, профессор Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры экономической теории НГТУ.

Обсуждение причин и последствий нынешнего экономического кризиса в органах власти и в преобладающей части российского научного сообщества носит, на мой взгляд, крайне поверхностный характер. В отношении власти это связано, помимо ее некомпетентности, с нежеланием признать свою значительную ответственность за кризис. Что касается большей ча-

сти научного сообщества, то здесь смесь интеллектуальной ограниченности, исторического невежества, слепого следования официальной статистике и желания понравиться власти.

Без выявления причин и размеров кризиса невозможно его преодоление. Моя оценка этих причин основывается на длительном изучении всеобщей и экономической истории России в XX и начале XXI века и на расчете альтернативных макроэкономических оценок российской экономики за 1928–2012 годы. Оценка экономической истории России в XX веке содержится в трех томах моей книги «Экономическая история России в новейшее время»,

охватывающих период с 1938 по 1998 год, и в ряде журнальных статей, посвященных ее дальнейшему развитию, включая и публикации в журнале «Идеи и идеалы». Альтернативные оценки содержатся в моих и моих коллег многочисленных статьях и в учебном пособии, выпущенном СИБАГС в 2011–2012 годах.

Нынешний экономический кризис, по нашим оценкам, начался в 2012 году. Его размеры значительно выше официальных и уже сейчас находятся на уровне падения ВВП в размере 10–12 %. Он был предопределен длительными тенденциями развития российской экономики и общества и ни в коем случае не является неожиданным. О его неизбежности мы с Дмитрием Фоминым писали неоднократно с начала 2000-х годов. Его основными причинами являются (в порядке важности): огромные потери человеческого капитала в XX и начале XXI века; ошибочный курс экономических реформ, принятый в 1992 году; слабость государства, общества, значительной части предпринимательства и экономической науки. Падение фантастически завышенных цен на нефть и экономические санкции лишь усугубили его.

Многочисленные потери человеческого капитала начались с Русско-японской войны и революции 1905 года и с небольшими перерывами, разной интенсивностью и в разных формах продолжались в течение всего XX века и в виде утечки мозгов продолжают и в начале XXI века. Не ясно, как при таком слабом человеческом капитале Россия вообще может выйти из кризиса. Одновременно, начиная с 1990 года, началось сокращение физического капитала, которое составило треть его объема. Несмотря на значительно возросшие в 2000-е годы капитальные вложе-

ния, оно продолжалось и 2000-е годы, хотя и в меньших размерах. Для преодоления сокращения физического и человеческого капитала требуются огромные средства и, главное, ум, которого больше всего не хватает.

Экономические реформы в России исходили из совершенно утопического представления, что в России возможен переход от государственного социализма к капитализму. Лех Валенса справедливо сравнил эту попытку с попыткой превратить уху в аквариум. Вследствие этого хозяйственный уклад России носит неэффективный характер. Он не способен справиться с кризисом. До сих пор ВВП России и объем промышленного и сельскохозяйственного производства, продукции транспорта не достигли уровня 1987 года.

Государственная система России архаична, а ее государственный аппарат некомпетентен и коррумпирован (142-е место по индексу коррупции). Общество апатично и дебилизировано вследствие огромного снижения качества образования и оглуляющего воздействия СМИ, особенно телевидения. Появившееся в искусственных условиях приватизации и хаоса 90-х годов предпринимательство, несмотря на наличие некоторого числа талантливых предпринимателей и успешных фирм, не способно решать сложные и масштабные экономические задачи. Значительная часть экономической науки вследствие ухода из жизни ряда выдающихся экономистов старшего поколения и снижения требовательности научно-экономического сообщества и государства к качеству экономических исследований оказывается не способной к квалифицированному экономическому анализу и выдвигению обоснованных экономических рекомендаций.

О низком качестве экономических исследований говорит слепое, без проверки использование официальной статистики и тем более расчет альтернативных оценок официальной экономической статистики, а также крайне слабое изучение макроэкономистами потенциала российского предпринимательства. Наличие четырех перечисленных «уродиков» (а их число можно умножить) еще больше усложняет выход из кризиса.

Очевидно, что для выхода из кризиса надо резко увеличить вложения в физический и человеческий капитал. Для обеспечения прироста ВВП в год на скромные 3 % по нашим подсчетам требуется поднять долю накопления в ВВП по методологии международных сопоставлений с нынешних 12 % до 35–40 %. Еще на несколько процентных пунктов требуется поднять долю ассигнований на образование, здравоохранение и науку. Это потребует снижения доли личного потребления домашних хозяйств примерно в два раза, преимущественно за счет сокращения доходов наиболее состоятельных слоев населения (в шесть раз), доходов средних слоев на 35–40 % при росте доходов наиболее низкооплачиваемых слоев. Соответственно, должна измениться структура экономики и занятости в пользу реального сектора экономики и в ущерб сфере услуг. Менее понятно, как обеспечить и этот хозяйственный маневр и главное – его результативность.

Проведенный анализ показал, что почти одинаково трудноосуществимы и мало-результативны все три возможные сценария институциональных изменений: возврат к командной экономике, либерализация экономики и сохранение нынешнего социально-политического механизма. Тре-

бует изучения вопрос о перспективности коллективной собственности (народных предприятий). Главными препятствиями являются упомянутые четыре «уродика», от которых очень трудно избавиться. Но также и слабость человеческого капитала. Некоторым выходом являются максимальные усилия по возврату в страну покинувших ее квалифицированных российских граждан и привлечение иностранных специалистов в экономику, образование и науку.

Известным утешением от полного пессимизма является то, что Россия за 11 веков своей истории практически каждый век (а иногда несколько раз в век) оказывалась на грани гибели и все-таки выживала, хотя и очень дорогой ценой.

Валентей Сергей Дмитриевич, д-р экон. наук, профессор, начальник научно-исследовательского объединения (научный руководитель РЭУ им. Г.В. Плеханова).

1. Ключевые ограничения экономического роста в России, сложившиеся в настоящее время.

Как писалось в докладе РЭУ им. Е.В. Плеханова (Реиндустриализация России в условиях новых угроз. ФГБОУ ВПО им. Г.В. Плеханова, 2015), главным ограничителем здесь выступает реализуемая в течение двух десятков лет либеральная модель развития экономики. Поэтому перечисляемые ниже ограничения в значительной степени не более чем производные от нее.

Начну с существенной деградации обрабатывающей промышленности и металлообработки, что делает российскую экономику весьма уязвимой, прежде всего в плане обеспечения импортозамещения. Дело в том, что мало формально обеспечить импортозамещение. Необходимо производить для отечественного рынка продукцию, не просто заполняющую лаку-

ны, возникшие вследствие санкций на рынке, а вытесняющую иностранную продукцию по причине ее более низкой, по сравнению с российской, конкурентоспособностью.

Поэтому нам не нужен *вообще* экономический рост. Реальное импортозамещение обеспечит только тот экономический рост, который порождает развитие национальной экономики. Но для решения данной задачи требуются современные технологии, которых у нас катастрофически не хватает.

Второй проблемой является кадровый голод.

Мне неоднократно приходилось писать о часто повторяемой ошибке, суть которой в том, что, справедливо отмечая проблему нехватки инвестиций (в том числе технологических), многие эксперты почему-то игнорируют кадровое обеспечение освоения этих инвестиций. Вместе с тем имеются достаточно веские основания утверждать, что нехватка квалифицированных специалистов в промышленности может в ближайшее время стать более значимой преградой на пути импортозамещения, нежели нехватка инвестиций. Даже если мы закупим за рубежом самое современное оборудование, может оказаться, что использовать его будет некому. Причем речь идет не о единичных (всегда имеющих место), а о массовых явлениях.

Корни такой ситуации не только в старении кадров, в нежелании молодежи работать на предприятиях и в пр. Перечисленное во многом следствие сложившейся системы трудовых отношений, при которых предприниматель заинтересован в использовании дешевой квалифицированной рабочей силы, но не заинтересован в подготовке (переподготов-

ке) кадров, в улучшении условий труда, в повышении заработной платы, в привлечении работников к управлению производством.

И один из факторов, породивших такую ситуацию, это отказ от государственного регулирования системы трудовых отношений. Для справки: развитые страны, в число которых мы хотим войти, подобное регулирование осуществляют уже несколько десятилетий. И здесь необходимо сказать о третьем ограничении – о методах управления производством.

Применяемые на многих предприятиях методы управления адекватны требованиям индустриальной модели развития. А реальное импортозамещение в XXI веке должно основываться на модели инновационной, когда многие производства становятся «безлюдными», работники владеют навыками программирования и участвуют в управлении производственными процессами.

Таким образом, мы можем говорить о системном характере ограничений экономического роста. И преодоление их возможно только при следующих условиях:

- при массовой замене оборудования на промышленных (естественно, не на всех, а на базовых) предприятиях;
- при переобучении работников (в том числе управленцев) для работы на высокотехнологичном оборудовании;
- при использовании лучших современных практик управления предприятиями.

По своей сложности эта задача сравнима с решавшейся в конце 1920-х годов в СССР. Поэтому ее решение было бы правильно называть «реиндустриализация», или «новая индустриализация».

2. *Степень соответствия сложившейся системы мер государственной политики России за-*

дачам преодоления основных структурных ограничений экономического роста.

Оценку реализовавшихся в период либеральных реформ мер я уже дал. Важнее говорить о том, что делается сегодня.

Первые шаги обнадеживают, несмотря на их недостаточность. Приняты федеральные законы о стратегическом планировании и о промышленной политике. Мы пытаемся перейти к политике импортозамещения и пр. Однако проблема в том, что в течение 20 лет реализовывалась иная модель. В итоге воспитано поколение управленцев, для которых тезис «рынок все регулирует» – догма. Как результат, многие из его представителей просто не умеют управлять экономическими процессами, поскольку являются «книжными экономистами», часто не представляющими, что такое реальное производство. И как с таким «человеческим капиталом» прикажете переходить к стратегическому управлению национальной и региональной экономиками?

Так что проблема есть и проблема серьезная. Нужно менять промышленную стратегию и систему управления экономикой. Иначе будет очень плохо.

3. *Основные направления совершенствования системы структурной политики России: какая*

модель должна быть положена за основу? Какие наиболее важные и первоочередные меры должны обеспечить ее работоспособность?

С моделью все более или менее понятно – это инновационно-ориентированная экономика. Со структурой сложнее. Ясно, что нужно технологически обновлять машиностроение и металлообработку. Но какое машиностроение? Существует, например, точка зрения, что нас «вытянет» ОПК. Но ряд экспертов, напротив, утверждают, что в нынешнем своем состоянии «военка» способна, как «черная дыра», только поглощать инвестиции, ничего не предлагая взамен. Чтобы понять, кто прав (а по-своему правы обе стороны), нужны серьезные исследования. А они практически не проводятся.

Что же касается мер, то я их назвал: технологическое обновление, позволяющее производить продукцию с высокой добавленной стоимостью; изменение системы трудовых отношений, позволяющее кардинально повысить качество человеческого капитала; переход к новой системе управления как национальной экономикой, так и промышленным предприятиями.

STRUCTURAL CONSTRAINTS AND CONDITIONS OF ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA

Round table (June 8, 2015) was organized in the Novosibirsk Regional Scientific Library. During the round table the experts exchanged their views on the current limits for the further development of the Russian economy, discussed the current state of the system of measures of structural policy and made recommendations for its improvement. In recent years, Russia's economy is faced with significant changes in the macroeconomic conditions that determine its development. The increase of debts in private sector against the background of deteriorating terms of borrowing, outstripping growth of costs of the domestic companies led to a drop in the economic growth rates and a reduction in the investment activity. Under the influence of international sanctions these negative trends have intensified a significant drop in the world oil prices, which once again exposed the key problems of the Russian economy. These circumstances

raise questions of comprehensive evaluation of the existing restrictions in the Russian economy and development of a coherent system of measures and priorities of the state policy, which allows forming a new sustainable trajectory of social and economic development. The search for solutions to the problems is the subject of numerous studies, but the attempts to comprehend and reflect the existing system of constraints to economic growth in Russia, taking into account the rapidly changing external and internal factors, are limited.

Participants: *G.A. Antipov*, Doctor of Philosophy, Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM); *A.O. Baranov*, Doctor of Economics, the Head of the Economic Theory Department of the Novosibirsk State University (NSU), a leading researcher of the Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE) of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS); *V.M. Gilmundinov* (Ph.D., Associate Professor, the Head of the Sector (IEIE SB RAS), Associate Professor of Economic Theory (NSU), Professor of the Department of Economic Theory and Applied Economics of the Novosibirsk State Technical University (NSTU); *O.V. Glushakova*, Doctor of Economics, Professor of the Department of Finance (NSUEM); *O.A. Donskikh*, Doctor of Philosophy, Professor, the Head of the Department of Philosophy (NSUEM), the chief editor of "Ideas and Ideals"; *S.P. Isakov* (the Executive Secretary of the journal "Ideas and Ideals); *V.I. Klistorin* (Doctor of Economics, Professor, a leading researcher (IEIE SB RAS), Professor of the Department of Economic Theory (NSU); *I.V. Knyazeva*, Doctor of Economics, Professor of Economic Theory and Applied Economics (NSTU), Professor of the Siberian Institute of Management – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SIM – RANEPА); *G.P. Litvintseva* (Doctor of Economics, Professor, the Head of the Department of Economic Theory and Applied Economics (NSTU); *N.I. Suslov* (Doctor of Economics, Professor, the Head of the Department (IEIE SB RAS); *V.V. Shmat* (Ph.D., senior researcher (IEIE SB RAS).

Keywords: exchange rate, public policy, import substitution, the tax burden, the new industrialization, rent, resource curse, sanctions, economic growth, the Russian Federation.